

галузевих праксеологічних теоріях (економічній, юридичній, педагогічній, спортивній та інших праксеологіях).

Пізнання всезагальних законів має велике значення для науки й практики. За їх допомогою можливе передбачення поведінки системи, визначення певних тенденцій її розвитку та створення упреждувальних заходів щодо можливих кризових ситуацій. Завдання всезагальної праксеологічної теорії – не констатувати й описувати світ, а перетворити його на організоване ціле. Втіленню цього завдання у життя сприяє потужна теоретична база тектології, до якої входять такі ідеї, як принцип неперервності, принцип бірегуляції (принцип зворотнього зв'язку), принцип компліментарності (принцип додаткових співвідношень), ідея ланцюгового зв'язку, принцип кругової причинності, принцип узгодження суперечностей, принцип рівноваги та низка інших. Їх впливовість на науковий прогрес загалом є беззаперечною: адже майже всі вони (та їх похідні) використані в таких галузях наукового знання, як кібернетика, синергетика, менеджмент, конфліктологія, медицина, фізіологія та ін. Але найбільш продуктивно тектологічна спадщина, на думку автора, реалізувалася в праксеології. Саме проблеми розробки методології ефективної діяльності; метатеоретичний підхід до вирішення проблеми організації й управління життєдіяльністю людини, природи і суспільства, методології пізнання; прикладне застосування загальних

висновків щодо організації діяльності тощо набули нового звучання у праксеології Т.Котарбинського та допомогли їй набути всесвітнього визнання.

Список літератури

1. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах.– Кн.1.– М.: Экономика, 1989.–304с.
2. Воленьский Я. Философия Львовско-Варшавской школы. – М.:РОССПЕН. – 2003. – 472с.
3. Идеи А.А.Богданова и современность: [материалы третьей межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых, посвящ. 130-летию со дня рождения А.А.Богданова] / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; под общ. ред. А.И.Турчинова; отв. ред. Б.В.Лытов – М., 2004. – 263 с.
4. Казаринов М.Ю. Тектология А.А.Богданова и формирование современной всеобщей организационной науки как общенаучного эволюционного мировоззрения // Вестн. Междунар. ин-та А.Богданова. – 2003. – N 3. – С. 146-151.
5. Клебанер В.С. Александр Богданов и его наследие // Вopr. философии. – 2003. – N 1. – С. 105-110.
6. Корицкий Э.Б. Организационные идеи Богданова и их резонанс.// Российский журнал менеджмента. – 2003. – №2. – С. 127-140.
7. Костов С.В. Тектология как научная парадигма. \ Актуальні проблеми філософських, політологічних, релігієзнавчих досліджень. (До 170 річчя філософського факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка) Матеріали наукової міжнародної конференції „Людина-світ-культура”, 20-21 квітня 2004 р. м.Київ. Київ: Центр навчальної літератури, 2004. – С.224-226.
8. Котарбинський Т. Трактат о хорошей работе.- М.: Экономика, 1975. – 370с.
9. Попов В.П. Организация. Тектология XXI. – Пятигорск: Издательство технологического университета, 2007. – 293 с.

Е.Г. Лёвкина

ТЕКТОЛОГИЯ О.БОГДАНОВА КАК ИДЕЙНЫЙ ИСТОЧНИК ПРАКСЕОЛОГИИ Т.КОТАРБИНСКОГО

В статье рассматривается идейная общность тектологии А.А.Богданова и праксеологии Т.Котарбинского.

O.Leovkina

THE TEKTOLOGY OF O.BOGDANOV AS A IDEA SOURCE OF THE PRAXEOLOGY OF T.KOTARBINSKY

This article analyses the community of the tektology of A.Bogdanov and of the praxeology of T.Kotarbin'sky.

Ю.А. Мелков, канд. филос. наук

ИННОВАЦИЯ КАК СМЫСЛОВАЯ ОСНОВА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья подготовлена при поддержке гранта для осуществления научно-исследовательского российско-украинского проекта «Трансформация смыслов и ценностей как фактор перехода к инновационному обществу» №24 (постановление Президиума НАН Украины № 96 от 08.04.2009 г.).

Благотворительная организация «Центр практической философии»

Статья посвящена философскому рассмотрению понятия инновации и детерминированного ею инновационного общества. Предпринимается попытка построения проекта корректировки цивилизационных ориентиров человечества XXI в. на основании трансформации техногенного общества в творческое.

Вступление

Понятие «инновационного общества» в последние годы стало довольно распространённым обозначением современного этапа развития социальной жизни человечества – обозначением, тесно связанным по смыслу с такими более привычными терминами как «постиндустриальное общество», «общество информации» и др. Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то примечательное обстоятельство, что данное понятие гораздо более часто употребляется в дискурсе политическом и публицистическом,

нежели выступает предметом серьёзного философского или социологического исследования – подобно тому, как, например, термин «нанотехнологии» используется чаще всего именно неспециалистами в области физической науки, в качестве весьма общего и неопределённого лозунга, даже, можно сказать, идеологемы. Описанная ситуация только усиливает потребность в осмыслении и оценке феномена инновационного общества и собственно инновации с позиции философского их рассмотрения.

Анализ публикаций

Рассмотрение философской мыслью проблематики противоречивых взаимоотношений прогресса научно-технического знания и духовного состояния развития человеческого общества начинается ещё с Ж.-Ж. Руссо. Тем не менее особую напряжённость эта тема обретает в конце XX в. Понятие инновации, на котором впоследствии будет выстроена идея инновационного общества, введена в обиход Й. Шумпетером в работе 1911 г. «Теории экономического развития» [1] и развита в последующих исследованиях австро-американского экономиста [2]. Экономоцентризм Й. Шумпетера, его стремление выступать в качестве апологета «свободного рынка» необратимо отразилось на том понимании инновационных процессов в обществе, которое довел и по сегодняшний день.

Поэтому особый интерес представляют исследования тех мыслителей, которые занимают во многом скептическую, даже пессимистическую позицию в отношении современного общества, основанного на доминантах инновации – информации: развитие социальной сферы бытия на фундаменте подобного рода вектора неминуемо ведёт к деградации социального пространства, к дезориентации индивида в ситуации многообразия взаимоисключающих систем ценностей, – как это явствует из работ З. Баумана [3], Ж. Бодрийяра [4], Кр. Мэя [5] и других видных западных авторов. С другой стороны, радужные перспективы «постэкономического» общества, общества знания, основанного на «постматериалистических» ценностях и творческой самореализации человеческих личностей, оптимистически вырисовываются, в частности, в работах В. Л. Иноземцева [6], концепцию которого также можно отнести к области философского осмысления современных социальных тенденций.

Среди работ отечественных авторов феномену инновации посвящён сборник статей В. Г. Кременя, С. В. Пролеева и других авторов, в котором данный феномен рассматривается в контексте ситуации глобализации, развития политических процессов на Украине, проблем системы образования [7]. Следует также упомянуть исследования А. И. Аргутинского-Долгорукого [8], посвящённые собственно «инновационному обществу», в котором, по характеристике автора, наука «как бы замещает» собой и этику, и гносеологию как основной источник мировоззрения и мироотношения; исследователь отмечает наличие и целого ряда «нового типа противоречий» такого общества: «противоречия информационных и гражданских свобод, гедонистического эгоизма, лично-группового отчуждения, развивающегося в условиях усиливающейся зависимости индивидов от возрастания их собственных энергоинформационных возможностей влиять на планетарное целое и его фрагменты» [8, 10]. Вместе с тем вопрос о разрешении отмеченных противоречий, о возможности гуманизации современного инновационного общества и о перспективах его развития остаётся пока без ответа.

Постановка задачи

Целью данной статьи является философское рассмотрение понятия инновации в качестве воз-

можной ценностно-смысловой основы существования общества, именуемого «инновационным обществом», имеющим много общего с обществом «информационным» или «постиндустриальным», а также, в особенности, рассмотрение противоречий его становления и развития, равно как и возможностей их разрешения.

Основная часть

Анализ феномена инновационного общества целесообразно начать с рассмотрения исходного понятия *инновации*. Как уже отмечалось, этот термин был введен Й. Шумпетером в 1911 г. для обозначения «новых комбинаций», новых способов использования уже существующих источников ресурсов [1, 70]. В дальнейшем, в работах 1930-х годов, австро-американский исследователь уточнит и дополнит это понятие: инновация – установление новой производственной функции: производство новых форм товара, внедрение новых форм организации такого производства [2, 62]. Новый товар, новое производство, новый рынок – всё это, по Й. Шумпетеру, характерные черты *экономического развития*, которое по своему интенсивному характеру противостоит категории экономического *роста* как явления в сути своей экстенсивного. Пример автора – появление железной дороги как инновация и фактор экономического развития, в противоположность росту числа почтовых карет как не относящемуся к числу инновационных нововведений.

Характерной чертой такого рода подхода оказывается акцент на рыночно-производственном аспекте какой бы то ни было инновации: новаторство является делом исключительно предпринимателей, которые, таким образом, преобразуют некое изобретение не столько даже в фактор экономического развития и радикальной трансформации производительных сил, сколько, попросту говоря, в *источник прибыли*. Собственно новаторство в более конкретном понимании этого слова, то есть изобретение, оказывается в этом случае не более чем «сырьём для инновации», по выражению Й. Шумпетера [2, 77]. Причём подчёркивается, что погоня за прибылью (а в парадигме шумпетеровского рыночного мышления иные смыслы и ценности человеческой деятельности вряд ли занимают знаковое место) предполагает инновационность как постоянное развитие, неустанный поиск всё новых и новых способов инновационной трансформации экономики и производства – ведь одна отдельная инновация способна давать прибыль внедрившей её компании или предпринимателю в течение весьма непродолжительного отрезка времени [2, 69].

Можно увидеть, что понятие инновации оказывается достаточно абстрактным, ограниченным феноменом: ключевой характеристикой любой инновации, будь то новые научные идеи, товары или способы производства, является рыночный «успех», экономическая выгода от внедрения этой идеи, товара или способа. Следует поэтому согласиться с одним из авторов украинской монографии о феномене инновации: «Инновации не нужна апология, ей нужна критика» [7, 122], – в смысле критики философской. Творческий импульс, креативное начало, присутствовавшее в первичной идее, будучи

втиснуто в плоскость рыночного капитализма, переведено на язык прибыли, попросту угасает [7, 132].

На мой взгляд, инновация так же относится к *творчеству*, как *информация* – к *знанию*. Не случайно два этих понятия одинаково популярны для обозначения современного общества, именуемого также и обществом *потребления*. Как инновация есть творчество, измеренное той прибылью, какую оно способно принести капиталисту, так и информация оказывается знанием измеряемым, пригодным к использованию в качестве товара, знанием, без труда передаваемым от одного человека к другому и даже к машине – другими словами, знанием отчуждённым, дегуманизированным [см.: 9].

Информация, как и инновация, именно потребляются, а не осваиваются, не очеловечиваются. Как указывал крупнейший киевский эстетик А. С. Канарский: «...мода на приобретение информации – этой обездушенной предметности человеческих знаний – порой превращается чуть ли не в вершину культурного существования человека. На деле же речь идёт об однобоком совершенствовании рассудка, лишённого своей истинной цели и назначения» [10, 136]. Отчуждённость от человеческой личности и приспособленность к купле-продаже нивелирует творческое начало даже в случае полного обладания, приобретения в собственное неразделённое пользование, способствует иллюзорности такого обладания: купленный предмет потребляется чисто внешним, механическим образом, не вступая в сущностную онтологическую связь с личностью.

Или возьмём другой пример: в современном обществе, которое петербургский исследователь Д. В. Иванов именует «виртуализированным», наука оказывается симуляцией поиска истины, симуляцией знания, ибо «критерий истины полагает не в воспроизводимости результатов или в консенсусе коллег-экспертов, а в поддержке спонсоров – государства и различного рода фондов. Студентами движет стремление не к истинному, а к выгодному знанию» [11, 54]. Таков целиком закономерный результат «перевода» традиционной культуры на язык капиталистической экономики.

И даже если считать выражения вроде «симуляция» слишком сильными для характеристики современной научной (да и прочей) человеческой деятельности, – нельзя не прийти к выводу о крайней абстрактности подобного эконоцентрического понимания феномена инновации. По сути дела, отчуждение, отрыв инновации в форме нового способа извлечения прибыли от творчества (открытия или изобретения) действительно ведёт к превращению инновации в симулякр: получается, что рыночный успех вовсе не должен непременно основываться на чём-то *реально* новаторском, подобно тому, как наиболее продаваемым товаром (от йогуртов до эстрадных «певцов» и политиков) чаще всего оказывается не наиболее новаторский, а наиболее агрессивно разрекламированный. Инновация переходит в собственное отрицание: кажимость инновации, ничего не меняющая в самом человеке и в его обществе.

Тем более абстрактным оказывается такое понимание, будучи распространено на общество в целом. Понятие «инновационного общества», которое образуется в результате подобного рода экстраполяции, характеризует, на первый взгляд, общество эконоцентрическое, общество предпринимателей, в котором непрерывный поиск прибыли оказывается едва ли не единственным ценностью и едва ли не единственным смыслом всей общественной деятельности.

Конечно же, авторов концепции инновационного общества сложно было бы заподозрить в стремлении отобразить в данном понятии исключительно ориентацию на прибыль: очевидно, что под указанным обозначением современного социума имеется в виду обращённость к новациям как постоянному изменению, модернизации всего комплекса составляющих социальной сферы человеческой жизни. Однако, и в этом случае акцент на инновационной составляющей жизни общества наделяет концепт «инновационного общества» целым рядом противоречивых характеристик.

Прежде всего, экономические корни понятия инновации не так-то легко сбросить со счётов. «Новое» в обществе должно оцениваться по некоторым определённым критериям «новизны», и *экономическая эффективность* оказывается наиболее «очевидным» из таких критериев – в полном соответствии с установками Шумпетера и классических теорий капитализма первой половины XX в., но в решительном разногласии с современными представлениями о развитии человечества. В последних экономической составляющей прогресса является не более чем одним из векторов, наряду, в частности, с развитием социальным и экологическим. Причём, вопреки многим сторонникам концепции «устойчивого развития», возможность гармоничного единства трёх отмеченных составляющих вовсе не является такой уж и бесспорной, и в том случае, если эти три вектора указывают в различные стороны, приоритет экономического развития по сравнению с остальными характеристиками цивилизационного (а тем более культурного) прогресса оказывается всё более сомнительным.

С точки зрения философского осмысления социальной жизни человека, противоречие, заложенное в понятии и концепции «инновационного общества», может быть прослежено и далее: любое создание нового, любая творческая деятельность, любая инновация должны, в свою очередь, основываться на некотором фундаменте непреходящего. То есть, говоря языком диалектики, *конкретная новация бессмысленна вне контекста традиции*. Например, научное творчество, инновация в науке остаётся таковым исключительно в пределах научности; как указывает М. Л. Злотина: «При всей радикальности изменений, характеризующих творчество как процесс, и новизне его результатов творчество с необходимостью включает преемственность, без которой немислимо само новое» [12, 255].

Другими словами, инновационность не является и не может быть представлена в качестве *самоценности*. Инновация обретает смысл только на основании того набора смыслов и ценностей, который

уже присутствует на момент внедрения этой инновации в той конкретной сфере человеческой деятельности, в которой это внедрение происходит. Так, та же классическая инновация в экономике основана на целой системе экономических ценностей, зависит от ценностей и смыслов, нашедших своё воплощение в теории капитализма. Эти смыслы и эти ценности вполне могли и могут не осознаваться специалистом по экономике, разрабатывающим теорию, не выходящую за пределы их парадигмы, но философ, рефлекслирующий по поводу этой теории и по поводу экстраполяции её понятий и концепций на всё общество в целом, не может игнорировать цементирующее влияние таких смыслов.

Как уже отмечалось, инновация и в шумпетеровском смысле – не самоценность, но средство достижения прибыли, поэтому именно последняя выступает той «ценностью», на которой эта инновационность основывается. Можно вспомнить и пояснение Э. В. Ильенкова: «Чем революционной теория – тем в большей мере она является наследницей всего предшествующего теоретического развития» [13, 220]. И не только теория. В данном случае, инновация выступает вовсе не разрывом с традицией: напротив, чем больше, чем грандиозней, даже революционной собственно инновация, тем *больше прибыли* она теоретически принесёт внедряющему её предпринимателю, – то есть, тем значительнее будет её вклад в подтверждение традиционного экономического смысла, на котором она основана и в контексте которого она только и выступает в качестве инновации (грубо говоря, смысла, формулируемого выражением «прибыль превыше всего»).

Таким образом, на мой взгляд, основной вопрос, связанный с противоречиями рассматриваемого концепта инновационного общества, можно охарактеризовать следующим образом: как же возможно общество, характеризующееся как инновационное, каков его ценностно-смысловой фундамент, по отношению к чему обретает оно свои черты инновационности? Любые культурные ценности основываются на традиции, и общество, ориентированное в смысловом отношении исключительно на «инновации», кажется не просто противоречивым, а саморазрушающимся. Не секрет, что в «обществе потребления» преобладают чисто материальные псевдоценности, и отсутствие подлинных духовных ориентиров приводит к смысловому кризису и убеждённости в бессмысленности своего существования. Так же примерно описывают современную ситуацию и упомянутые в начале статьи авторы, занимающие пессимистическую позицию в отношении сегодняшнего общества: в жизни «индивидуализированного общества» (З. Бауман) более не оказывается места не только совместному делу и взаимным обязательствам, но и долгосрочности, перспективам, уверенности в будущем дне: «Сегодня условия изменяются внезапно, попирая любые разумные представления и не следуя твёрдой логике или внятным схемам» [3, LV], краткосрочная ментальность сменяет долгосрочную [3, 29].

В принципе, это довольно-таки закономерный результат попытки построить общество на основе классически понимаемого феномена инновации.

Последняя, взятая в качестве ценностного фундамента социальной жизни в целом, отрицает не только неизменные смысловые ориентиры, но и саму возможность выстроить такой ориентир на более или менее продолжительный период времени: ведь каждая отдельно взятая инновация способна быть эффективной (то есть, приносить прибыль) в течение очень недолгого срока. В результате получается своего рода «дурная бесконечность» цепи краткосрочных «инноваций», всё более агрессивной информационной войны, всё более навязываемого потребления не только товаров, но и мифологем, псевдомузыки, псевдополитики и так далее, лишь усугубляющая мировоззренческий кризис и ведущая человечество в бездну бессмысленности...

Вряд ли такого рода «инновационное общество» заслуживало бы единого доброго слова. К счастью, подобная сумрачная картина перспектив его существования вовсе не является чем-то категорически неизбежным. Дело в том, что, с философской точки зрения, противоречие, заложенное в самом понятии вечно изменяющегося социума, разрешается в образе лишённого смысловой базы кризисного общества самоотрицания только в случае классического истолкования понятия инновации. Социальная среда, основанная на инновации в таком истолковании, практически тождественна *техногенной цивилизации*, которую, например, украинский исследователь В. Г. Кремень и характеризует как инновационную, то есть, основанную на представлении о самоценности инновации, в противоположность цивилизации традиционной [7, 12].

Однако, как уже замечалось, инновация по природе своей не способна выступать самоценностью, и общество, основанное на инновации в шумпетеровском смысле в качестве своего смыслового фундамента, обречено на самоуничтожение или, лучше сказать, возможно только в качестве теоретического конструкта. Поэтому, критически рассматривая понятие инновационного общества, можно вернуться к его использованию на ином уровне – не в виде антитезиса обществу традиционному, а в качестве *диалектического синтеза общества традиционного и общества техногенного*, снимающего противоречие традиции и новации. Инновация как характеристика инновационного общества (если уже употреблять это выражение, вошедшее, как говорилось, в дискурс публицистический и политический помимо философской критики, относящейся не столько к употреблению слов, сколько к их правильному истолкованию) в этом отношении оказывается синонимичным понятию *творчества*. Качественное отличие последнего от классического истолкования инновации в экономическом смысле – не только связь с традицией (задающей рамки и наделяющей смыслом творческую деятельность человека и результат оной), но и отсутствие каких бы то ни было прагматических «объективистских» критериев в духе эффективности или прибыльности. Напротив, как подчёркивает исследователь этого вопроса А. Г. Глинчикова, «труд творческого характера... не обменивается и не воспроизводится по законам товарно-денежных отношений» [14, 5].

О перспективах построения качественно новой формы цивилизации по сравнению с традиционной и техногенной говорит и автор диалектической в своей сущности концепции постнеклассической науки В. С. Стёпин. «Решение современных глобальных проблем, — отмечает российский философ, — по-видимому, станет возможным только при переходе к новому типу цивилизационного развития, основанному на иной системе ценностей, чем техногенная цивилизация...» [15].

Как и в случае с инновационным обществом, ценностное наполнение которого существенно зависит от смысла, вкладываемого в понятие «инновации» (либо в эконоцентрическом духе, либо в качестве синонима понятия творчества), также и в трактовке концепта «постиндустриального общества», которое исследует В. С. Стёпин, явно просматриваются два отличных варианта понимания — понимание его как просто очередного, «нового» этапа технологического развития с сохраняющимся доминированием ценностей техногенной цивилизации — и как радикальный переворот в системе ценностей. Именно для второго (и, так сказать, оптимистического) варианта понимания современного общества характерно рассмотрение его в свете формирования таких новых ценностей, смыслов и перспектив, как-то: «Идеал будущего как интегрированного человечества, которое строит свои отношения на гуманистической основе, на приоритете общечеловеческих ценностей, сменяющих классовые приоритеты; представление о возрастающей ценности человеческой личности, ее творческих возможностей и духовного развития; представления о гуманизации научно-технического прогресса, когда человек и его развитие становятся исходными целями и ориентирами технологического прогресса...» [15]. Поэтому и инновации, технологические, научные, производственные, способны обрести смысл лишь в контексте долгосрочной перспективы развития общества в целом, с учётом ценностной ориентации на преодоление глобального экологического и социального кризиса. Условие становления справедливого общества — гуманистическая трансформация современного технологизма и эконоцентризма. И новое общество, чьи черты начинают вырисовываться уже в современности, вполне заслужит название общества личности, общества творческого, а потому одновременно и традиционно, и инновационного, которое и должно послужить предметом дальнейших исследований.

Выводы

Понятие инновации в исходном его истолковании является продуктом эконоцентрического мировоззрения, характерного для классического капитализма эпохи Модерна. Инновация — по сути, отчуждённый, дегуманизированный акт человеческого творчества, взятый и рассматриваемый абстрактно, в аспекте рыночной эффективности и способности приносить

кратковременную прибыль. Проект экстраполяции такого понимания инновации на всё общество в целом приводит к деградации социальных смыслов и ценностей, к разрушению социальной сферы, к превращению самой инновации в симулякр. Предотвратить подобную ситуацию может только философское обоснование инновационного общества как общества творческого, в котором инновация существует не отчуждённо от человека, но способствует его личностному развитию, не претендует на статус самооценности, но основана на гуманистических смыслах и ценностях, на традиции, в контексте которой она только и может выступать подлинной инновацией. В данном смысле инновационное общество не является продолжением общества техногенного, но выступает качественно новым этапом развития цивилизации, снимая противоречия дегуманизированного техногенного общества, реализуя его интенции в единстве с возрождением общества традиционного. Лишь на такой смысловой основе перспективы становления инновационного общества и эволюции человечества в целом могут, с философской точки зрения, выглядеть обоснованными и внушать оптимизм в отношении будущего.

Список литературы

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1982. — 455 с.
2. Schumpeter J. A. Business Cycles. A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. — New York; Toronto; London: McGraw-Hill Book Company, 1939. — 461 p.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество: Пер. с англ. — М.: Логос, 2005. — LXIV, 326 с.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального: Пер. с фр. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 96 с.
5. Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд: Пер. з англ. — К.: К.І.С., 2004. — 220 с.
6. Иноземцев В. Л. Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. — М.: Academia-Наука, 1999. — 724 с.
7. Феномен інновації: освіта, суспільство, культура: Монографія / За ред. В. Г. Кременя. — К.: Педагогічна думка, 2008. — 472 с.
8. Сиверц ван Рейзема Я. В. (Аргутинский-Долгоорукий А. И). Философия планетаризма и инновационное общество (Взгляд из России). — М.: SvR-Аргус, 2000. — 80 с.
9. Мелков Ю. А. Практическая философия в обществе информации // Практична філософія. — 2005. — № 4(18). — С. 24–32.
10. Канарский А. С. Диалектика эстетического процесса. — К.: Общество «Философия и культура», 2008. — 380 с.
11. Иванов Д. В. Виртуализация общества. — СПб: Петербургское востоковедение, 2000. — 96 с.
12. Злотина М. Л. Диалектика. — К.: Изд. ПАРАПАН, 2008. — 264 с.
13. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. — М.: РОССПЭН, 1997. — 464 с.
14. Глинчикова А. Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии. — 1997. — № 3. — С. 3–15.
15. Стёпин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. — <http://www.philosophy.ru/library/stepin/epoch.html>.

Ю.О. Мелков

ІННОВАЦІЯ ЯК СМИСЛОВА ОСНОВА ЖИТТЯ СУСПІЛЬСТВА: ПРОСБЛЕМИ І ПЕРСПЕКТИВИ

Стаття присвячена філософському аналізу поняття інновації і інноваційного суспільства. Здійснена спроба побудови проекту коректування цивілізаційних орієнтирів людства XXI ст. на основі трансформації техногенного суспільства у творче.

Y. Myelkov

INNOVATION AS SENSUAL BASIS OF SOCIAL LIFE: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

The article deals with philosophical analyses of the notion of innovation and innovative society. The attempt of creating of the project called to correct the civilization guiding lines of the XXI c. mankind on the bases of transformation of technogenic society into creative one is made.